

Диксон Т. От страстей к эмоциям: создание светской психологической категории.

Dixon T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Pp. x + 287. ISBN 0-521-82729-9. J47.50, \$60.00 (hardback).

Книга Томаса Диксона «От страстей к эмоциям: создание светской психологической категории» — одно из самых значительных за последнее время достижений и для истории психологии, и для исследования связи религии с современным научным мировоззрением. Она очень ясно написана, и в ней найдут немало пищи для размышлений как ученые, философы, теологи и историки, так и неспециалисты. Если же те психологи, которые ее прочтут, отнесутся к ее основному тезису с полной серьезностью, это может существенно изменить их отношение к истории и к тому, что мы довольно неопределенно называем «чувствами».

Т. Диксон очень убедительно показывает, что категория «эмоций» в том виде, в каком она используется и в научной психологии, и в повседневном словоупотреблении, современного происхождения и не совпадает с античной и христианской категориями «страстей». Так, автор с текстами в руках доказывает, что понятие эмоций в современном значении впервые возникло в работах шотландского философа Т. Брауна (чьи лекции были опубликованы в 1820 г.) и что дальнейшее развитие светского подхода к чувствам, в противоположность религиозно окрашенным представлениям, связано с такими мыслителями, как А. Бэн, Г. Спенсер и Ч. Дарвин. Тезис Т. Диксона выгля-

дит особенно убедительным еще и потому, что подкреплен, с одной стороны, анализом христианской дискуссии о страстях у Августина и Фомы Аквинского, а с другой — сопоставлением с распространенными в XVIII веке взаимопересекающимися представлениями о страстях, аффектах, чувствах и сантиментах. Т. Диксон рассказывает о том, как именно шотландцы Д. Юм, Т. Браун и Т. Чалмерс «создавали эмоции» в своих работах, которые они противопоставляли существующему дискурсу о страстях. В ответ на это ряд теперь малоизвестных христианских авторов и философ-идеалистов из Великобритании и Северной Америки развернули критику нового подхода к эмоциям. Далее обсуждение переходит к знаменитой теории эмоций, предложенной В. Джеймсом в 1884 г., согласно которой эмоции — не что иное, как эпифеноменальное отражение в сознании висцеральных изменений. Эта теория ознаменовала окончательное размежевание между новым и древним понятиями — эмоциями и страстями.

В краткой рецензии трудно раскрыть, насколько велики были последствия тех перемен, о которых идет речь, для теории эмоций и насколько важна эта тема для историографии психологии. До книги Т. Диксона систематическая история «эмоций» (которые многие авторы не отличали

от «страстей») фактически отсутствовала; отныне мы имеем новую твердую точку отсчета. Пытаясь дать определение эмоций, современные исследователи неизменно приходили к выводу, что это невозможно. Т. Диксон же выбирает альтернативный курс и становится надежным проводником в области исторически изменчивых схем и определений. В центре его подхода — серьезный, комплексный и тонкий анализ отношений между религией и психологией. Такого анализа мы давно ждали. На протяжении долгого времени, отмечает Т. Диксон, истории психологии были свойственны незнание, безразличие или антагонизм к религии (хотя если бы автор рассматривал историю психологии в более широком смысле, ему не пришлось бы приходиться к таким суровым выводам). В книге Т. Диксона мы находим образец того, как такую ограниченность можно преодолеть; неудивительно, что это предполагает переворот в общепринятых взглядах. В частности, Т. Диксон утверждает, что современное представление о конфликте эмоций с разумом, которое не раз подвергалось критике, пошло от светских или, по крайней мере, нехристианских авторов и не может быть приписано христианским писателям, которые всегда считали страсти и интеллект частями единой души.

Можно сказать, что аргументация автора выглядит особенно убедительно за счет некоторого самоограничения: дело в том, что Т. Диксон сосредоточился только на одном конкретном вопросе — об аффективных силах души и тела в том виде, в каком они описаны в первичных и вторичных источниках. Поэтому мне представляется важным разобраться в том, как именно, за счет каких структурных решений была достигнута такая фокусировка и как именно книга Т. Диксона

соотносится с более широкой историко-психологической литературой. На ум сразу приходят три темы, которые книга оставляет в стороне, но которые, если бы были включены, существенно повлияли бы на содержание. Во-первых, это вопрос о возникновении «психологии» как самостоятельной категории. Автор намеренно исключает этот вопрос и рассматривает «психологию» внеисторично. В то же время его рассказ о происхождении «эмоций» как особой категории может служить блестящим примером того, как «психология» вообще сделалась частью современного сознания. Во-вторых, в книге совершенно отсутствуют упоминания об эмоциях как о состояниях людей в современном мире; поэтому исключенным оказывается весь подход к психологии и эмоциональным состояниям как к регуляторам в жизни людей. За пределами книги остается также вопрос о репрезентациях эмоций в искусстве и литературе и о роли этих репрезентаций в возбуждении самих эмоций. Наконец, в-третьих, несмотря на то что автор хорошо знаком с мировой литературой по вопросу, он пишет только об использовании термина в английском языке и только на основе англо-американской литературы. Однако если тема книги — формирование категории и закрепление за ней статуса «естественной», то в итоговом анализе необходимо выйти на трудный вопрос о сопоставимости категорий в разных культурах и об их переводимости на язык других культур. Очевидно, что эти три темы нельзя затронуть без того, чтобы открыть ящик Пандоры. Поэтому, думается, исследование, чтобы быть ясным и полезным, должно оставить их в стороне; это — вопрос для обсуждения.

Р. Смит, Институт истории естествознания и техники РАН